

С. Л. Франк — В. И. Иванову

*17 июня 1947 г., Лондон
46, Corringham Rd.,
London, N. W. 11
17 июня 1947*

Дорогой Вячеслав Иванович!

Спешу ответить на только что полученное мною Ваше большое письмо, которым вы очень порадовали меня. Прежде всего спасибо за биографические данные — кое-чего я совсем не знал, другое знал не вполне точно. Они пришли в последний момент — я уже написал заметку о Вас и дал переводить (к концу месяца я должен представить издательству всю рукопись сборника): теперь я хочу внести в нее исправления и дополнения.

Меня глубоко тронули усердие и обстоятельность, с которыми Вы стараетесь переубедить меня в моих — в общем, весьма умеренных — «ересях». То, что Вы пишете о принципиальном отношении Рима к православию, мне хорошо известно помимо других источников, из одного личного обстоятельства, которое, может быть, Вас заинтересует: мой старший сын (по образованию русский историк) в начале войны сотрудник русского отдела английского радио, женатый на канадке-католичке, недавно обратился в католичество (он теперь и постоянный сотрудник по русскому вопросу католического журнала «TheTablett»). Мне не хочется заниматься бесполезным — особенно в нашем возрасте — спором. Позвольте мне только коротко уточнить — просто к Вашему сведенью — мою принципиальную позицию. Широта духа Рима в отношении Востока дает, конечно, большое удовлетворение, как свидетельство присутствия вселенского начала (я охотно признаю: в гораздо большей мере, чем у большинства православных). Я совсем не «православист» (пользуясь остроумным термином покойного о. Сергия Булгакова); мои сомнения — другого рода. Чем более я размышляю и о религиозной проблематике по существу, и о трагической исторической судьбе европейского духа, тем более укрепляюсь в убеждении, что духовная смута, начавшаяся с ренессанса и реформации, порождена в последнем счете односторонностью, с которой христианское

откровение было выражено в традиционной церковной догматике, именно тем, что идея богосыновства человека — основа всяческого «гуманизма» — была все же как-то заслонена частью ветхозаветным сознанием «тварности» («горшка в руках горшечника»), частью античным сознанием подчиненности человека космосу (только в христианской мистике — востока и запада одинаково — хранилось иное, более полное восприятие богочеловечности человека). Все заблуждения нового времени суть — искаженные бунтом против традиции, отрывом от исконного предания — выражения более глубокого осознания «богосыновства» человека. В духовной истории западного мира был краткий миг, когда в лоне самой церкви наметилось было течение «христианского гуманизма»; наиболее полное выражение оно получило в богословско-философской системе правоверного католика, кардинала Николая Кузанского, одного из величайших, доселе неочтенных мыслителей и для меня — моего главного наставника (наряду с ним напомним еще только имя Эразма). Если бы этому течению суждено было восторжествовать, человечество было бы избавлено от многих роковых заблуждений — и от безрелигиозного просветительского гуманизма, и от ницшеанского и марксистского богоборчества. Этому не суждено было быть, и теперь человечество безнадежно расколото на христиан-традиционалистов и безбожников, уповающих на осуществление царства Божия силами человека, как простого потомка обезьяны (и эта последняя вера практически властвует над миром). На Ваш вопрос: в чем я вижу пользу существования свободных христианских душ за пределами церкви? отвечаю: в том, что они — единственный сохранившийся мост между церковью и безбожниками и в этом смысле суть как бы призванные миссионеры в отношении последних. Церковь — католическая церковь — в принципе подлинно католическа, т. е. универсальна; но христианское откровение, незримо разлитое в душах, все же в некотором смысле еще более универсально, чем исторически сложившийся духовный облик церкви. Отсюда я делаю практический вывод в отношении догмата папской непогрешимости. Признаю его практическую полезность: в *ecclesia militans*, как во всякой армии, должен быть верховный главнокомандующий; но если и рядовой солдат, исполняя приказ, сохраняет за собой право личного мнения, то — тем более — это право неотъемлемо от христианина. По образу правоверного католика Паскаля, я поэтому сохраняю за собой право «от суда папы апеллировать к суду Христа». Опираюсь и на больший авторитет: «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искуснейшие» (I Кор. 11,19). Мне как-то кажется, что такая установка должна найти некий тайный отклик у такого насыщенного многообразием духовной культуры человека, как Вы.

Но довольно. Отвечаю кратко на Ваши вопросы о личных обстоятельствах моей жизни и об общих знакомых. 1922–37 г. я жил в Берлине, где был, между прочим, доцентом университета по истории русской мысли, годы войны провел во Франции, скрываясь от немецкой оккупационной армии, ибо — в силу моего неарийства — мне грозила депортация и смерть в газовой камере. С 1945 г. соединился с моими детьми (у меня их четверо), которые, по разным обстоятельствам, уже раньше переселились в Англию. Живу с женой (Вы, может быть, ее вспомните по Силламягам — она шлет Вам сердечный привет) в доме моей дочери, вдовы англичанина, павшего во время войны. Последние мои работы: «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» (Париж, 1937). По-английски: «С нами Бог» («Godwithus») — опыт некого, философски оформленного исповедания веры. Написал и надеюсь вскоре опубликовать тоже по-английски «Свет во тьме» — опыт христианской социальной философии. Сейчас готовлю книгу, в которой хочу подвести последний итог моих философских достижений.

П. Б. Струве скончался внезапно в феврале 1944 года — можно казать, на посту: накануне смерти провел целый день в *Bibliothèque Nationale*, работая над большим трудом по истории России. Через три месяца, в июне, скончался, от удара о. С. Булгаков. С ним я сохранил до самой его смерти дружеские отношения (не разделяя его богословских идей). Сохранил дружеское общение и с Н. А. Бердяевым, хотя пути наши разошлись весьма далеко. Только что его видал — он приезжал, чтобы участвовать в церемонии возведения его в степень почетного доктора Кембриджского университета.

Сердечно обнимаю Вас.

Ваш С. Франк

Сердечно благодарю Вас и за Ваши — как всегда прекрасные — и такие трогательные стихотворения, которые доставили мне большое эстетическое наслаждение.

